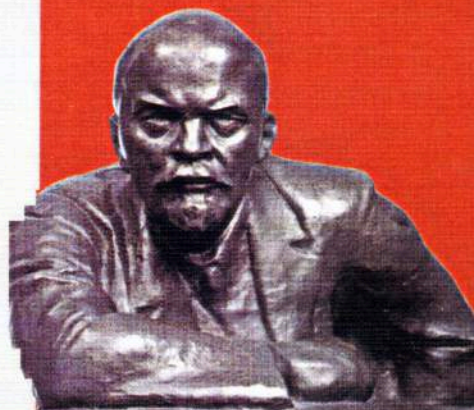

Сборник статей

Россия в XX веке

Россия в XX веке

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ РОССИИ

Россия в XX веке
проблемы политической, экономической
и социальной истории

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2008

ББК 63.3(2)6

Р 76

Редакционная коллегия: *А. Ю. Дворниченко, И. И. Верняев, В. А. Рачковский,
Г. Л. Соболев, Е. Д. Твердюкова, М. В. Ходяков* (отв. редактор)

Рецензенты: д-р ист. наук *М. Ф. Флоринский* (С.-Петербургский гос. ун-т),
д-р ист. наук *Н. Н. Смирнов* (С.-Петербургский институт истории РАН)

*Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
исторического факультета*

С.-Петербургского государственного университета

Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / Под ред. М. В. Ходякова. — СПб., 2008. — 497 с.

ISBN 978-5-288-04712-1

Издание представляет собой сборник научных статей, подготовленных к 40-летию кафедры Новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Авторы статей — специалисты вузов, исследовательских организаций, архивов из различных регионов России — рассматривают широкий спектр вопросов, характеризующих этапы истории государства в XX веке.

Сборник предназначен преподавателям, научным работникам, аспирантам, студентам, всем интересующимся новейшей историей России.

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-288-04712-1

© Коллектив авторов, 2008
© Исторический факультет
С.-Петербургского государственного
университета, 2008

Содержание

От редколлегии

6

ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

<i>Соболев Г. Л.</i> К вопросу о «германском факторе» в февральских событиях 1917 г. в Петрограде	9
<i>Смолин А. В.</i> Адмирал А. В. Колчак: становление политика (март–июль 1917 г.)	19
<i>Смирнова А. А.</i> Петроградские социалисты в воспоминаниях бывшего начальника Охранного отделения столицы К. И. Глобачева	49
<i>Абросимова Т. А.</i> Мировая социалистическая революция: ошибка или утопия?	54
<i>Рачковский В. А.</i> Особенности изучения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. в 30-х – середине 50-х годов	61
<i>Стариков С. В.</i> Казанский левосоциалистический блок в период вооруженного восстания и кризиса революционной власти (октябрь–ноябрь 1917 г.)	73
<i>Федоров М. В.</i> Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в воспоминаниях современников	90
<i>Пученков А. С.</i> Борис Савинков и Добровольческая армия в 1917–1918 гг.	106
<i>Ратьковский И. С.</i> Иван Петрович Бакаев — председатель Петроградской ЧК (сентябрь 1919 – август 1920 гг.)	114
<i>Чистиков А. Н.</i> «Надо арестовывать осторожно»: судебная ответственность советской бюрократии 1917–1920-х гг.	126
<i>Назаренко К. Б.</i> К вопросу о принципах организационного строительства Красного флота в начале 1920-х годов	136
<i>Акулишин П. В.</i> Руководители Рязанского края Советской эпохи (1917–1930 годы)	145
<i>Иванов В. А.</i> Мероприятия ленинградского управления НКВД по пресечению детской преступности в период массового возвращения городского населения в 1944–1945 гг.	153
<i>Яров С. В.</i> Риторическая техника И. В. Сталина: этапы развития	161
<i>Кутузов В. А.</i> А. А. Жданов и пирожные: мифы и реалии блокадного Ленинграда	169
<i>Амосова А. А.</i> П. С. Попков и «Ленинградское дело»	175
<i>Калашиков В. В.</i> Эпоха Ельцина: проблемы становления нового федерализма в Российской Федерации	186
<i>Тарасова Е. А.</i> Съезд народных депутатов РСФСР-РФ — орган государственной власти эпохи перелома (1990–1993 гг.)	194
<i>Тарасов О. А., Васильева С. А.</i> Развитие партийной системы Рязанской области в 1994–1997 гг.	211

<i>Кальянов А. Ю.</i> Развитие сотрудничества между республикой Беларусь и Российской Федерацией в рамках союзного государства на современном этапе	222
---	-----

ПРАКТИКА РЕФОРМИРОВАНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

<i>Тот Ю. В.</i> Состояние и деятельность уездной полиции в конце XIX в. (по материалам сенаторских ревизий)	231
<i>Тихонов А. К.</i> Государственная власть и проблемы управления в Туркестанском крае в конце XIX в.	249
<i>Виноградов Н. А.</i> Общественное призрение в России начала XX века	259
<i>Базанова О. В.</i> «Бодритесь и трезвитесь, дорогие сотрезвенники!»: православное духовенство Западной Сибири в трезвенном движении в начале XX в.	270
<i>Гаврилова О. А.</i> «Желая послужить своей родине богоугодным делом»: из истории благотворительности в годы революции и Гражданской войны в Петроградской губернии	287
<i>Барашев М. А.</i> Охрана и использование памятников усадебной культуры России в первые годы Советской власти (по материалам Владимирской губернии)	300
<i>Шкаровский М. В.</i> Русские приходы и монастыри в Греции	306
<i>Кривошеев Ю. В., Мандрик М. В.</i> «Мною дорожат, и значит, положение мое здесь можно считать упрочившимся»: Г. В. Вернадский в Америке (довоенный период)	326
<i>Зеликина Н. С.</i> Современные методы анализа периодической печати как исторического источника	341
<i>Юсупова Л. Н.</i> Становление имагологического направления в исследованиях по истории России новейшего времени	351
<i>Твердюкова Е. Д.</i> Материалы бюджетных обследований рабочих и служащих в СССР в 1930-е годы: вопросы источниковедческого анализа	359
<i>Степанов А. С.</i> Авиапромышленность в Ленинграде и ее перестройка накануне Великой Отечественной войны (1939 – первая половина 1941 гг.)	372
<i>Ходяков М. В.</i> Трудовое использование военнопленных Великой Отечественной войны на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг.	382
<i>Польнов М. Ф.</i> Особенности аграрной политики Советского государства в 1950 – первой половине 1980-х годов	401
<i>Ильичева М. Б.</i> Социальная политика в Северных регионах: опыт Скандинавии и России	419

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Жебровский С. С.</i> Профессиональная подготовка высшего командного состава русской армии в начале XX века	424
<i>Савинова Н. В.</i> Погромы немцев в Московской губернии в мае 1915 г.	430
<i>Мокеев А. Б.</i> Предвыборная кампания социалистических партий во Всероссийское Учредительное собрание	434
<i>Точкин Ф. В.</i> К 90-летию Ледового похода Балтийского флота в 1918 году	439
<i>Альмов Ю. В.</i> Голод 1920–1922 гг. в Уральской области	443
<i>Абраменко Е. М.</i> Кампания по землеустройству еврейского населения в 1920-е годы (на примере Псковской губернии)	449
<i>Ярмолич Ф. К.</i> Система советской политической цензуры в 1920–1930-е гг.: центр и периферия (на примере Кольского полуострова)	453
<i>Ляпсенкова Л. Н.</i> Становление библиотечного дела в Маньчжурии	459
<i>Скрябина Е. О.</i> Деятельность партийных организаций в детских лечебных учреждениях в период блокады Ленинграда (на примере детской соматической больницы Петроградского района Ленинграда с 1942 по 1943 гг.)	464
<i>Константинова М. А.</i> Полярные конвои Второй Мировой войны и их социокультурный аспект глазами историков Великобритании	471
<i>Зин Н. В.</i> Организация атеистической пропаганды на территории Владимирской области в 1943–1953 гг.	474
<i>Ясашиова Н. А.</i> Иностранцы военнопленные Великой Отечественной войны на территории Владимирской области: обзор источников	481
<i>Лупоядова Ю. В.</i> Изучение истории России XX века в университетских центрах Франции	485
<i>Кадешикова Ю. В.</i> Торгово-экономические отношения СССР (России) и Японии в послевоенный период	489
Сведения об авторах	496

Ю. В. Кривошеев, М. В. Мандрик

**«МНОЮ ДОРОЖАТ,
И, ЗНАЧИТ, ПОЛОЖЕНИЕ МОЕ ЗДЕСЬ
МОЖНО СЧИТАТЬ УПРОЧИВШИМСЯ»:
Г. В. ВЕРНАДСКИЙ В АМЕРИКЕ (ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД)**

19 августа 1927 г. русский историк эмигрант Георгий Владимирович Вернадский ступил на землю Америки.¹ Еще в молодости он расспрашивал отца о поездке на другой край света, а теперь он сам вынужден был обосноваться здесь и в 40 лет почти с нуля начинать свою преподавательскую карьеру.

Первую попытку достичь далекого материка Вернадские предприняли еще в 1921 г., когда при содействии М. М. Карповича и Ф. Гольдера они достали билет на корабль, но известие о Кронштадтском мятеже, вселившее в них надежду о непрочности советского режима, заставило изменить планы.²

В ноябре 1926 г. Вернадский получил предложение выставить свою кандидатуру в американский университет для чтения курса русской истории. Несмотря на низкое жалование и предполагаемый недолгий срок проживания в Америке — с февраля по июнь следующего года — историк согласился.³ Однако уже в начале февраля ему сообщили, что это приглашение он не получит, но оставаться в Праге (жили с 1922 г.) также становилось затруднительным: в январе было объявлено о сокращении жалованья, а с 1928 г. выплаты вообще могли прекратить. Найти место на кафедре какого-нибудь европейского университета в то время было почти невозможно, и перед историком встала неразрешимая дилемма: или устроиться на работу в банк, или арендовать землю во Франции и заниматься сельским хозяйством (опыт подобных работ он уже успел получить в ранней молодости, в имении родителей).⁴ В письме к отцу в феврале 1927 г. у историка прорываются нотки отчаянья: все эти финансовые затруднения так не вовремя, у него столько научных планов и нужно хотя бы два года спокойной работы.

Судьба услышала его призыв, и уже в начале марта М. М. Карпович просит прислать ему резюме, обещая пристроить в какой-нибудь университет (до этого он сам невольно перешел ему дорогу в Гарвардском университете).⁵ Благодаря

стараниям М. М. Карповича и М. И. Ростовцева историк получил место в Йельском университете. Начинается новая полоса в его жизни.

Америка сразу же ошеломила Г. В. Вернадского и его супругу. Для европейцев, привыкших к спокойной и размеренной жизни, Нью-Йорк казался каким-то адом, «что просто нельзя понять, как люди там не сходят с ума. Ничего человеческого, ничего здорового и ничего красивого», от «автомобильной вакханалии» и запаха бензина болела голова. В письмах к родителям есть примечательные описания Н. В. Вернадской первых дней пребывания на американской земле: «Как-то не верилось, что это та же земля, тот же земной шар, и было очень жутко. Георгинька тоже кричал во сне жалобно. Я его спрашиваю: что с тобой — “Негр поймал в сеть и тащит”». ⁶ Однако после того, как им удалось снять маленькую квартирку, обустроить свой быт и втянуться в работу, все пошло своим чередом.

В Йель историка пригласили на один год, в дальнейшем контракт мог быть продлен в зависимости от ситуации. Такое шаткое положение, с одной стороны, производило отрицательное психологическое давление, а, с другой, являлось хорошим стимулом для «начинающего» американского профессора. Основной проблемой, которую следовало решать в кратчайшие сроки, было незнание английского языка. Историк не раз признавался родителям, что, несмотря на свои занятия, чтение газет и англо-американской литературы, его успехи в языке еще недостаточны, чтобы вести непринужденную беседу, хотя на научные темы он говорил с большей легкостью, чем на бытовые. Для практики историк посещал лекции своих коллег, в том числе и М. И. Ростовцева, шутя замечая, что из профессора превратился вновь в студента. ⁷

Уже в сентябре историк приступил к написанию лекций на английском языке, но работа продвигалась трудно и медленно. Ударом для него стало известие, что на его курс никто не записался. Однако такая ситуация была прогнозируема администрацией, так как случалась и ранее, и М. И. Ростовцев, получив поддержку президента университета, посоветовал Г. В. Вернадскому успокоиться и сосредоточиться на написании лекций, которые желательно, в целях своеобразной рекламы, в ближайшее время предоставить в университетское издательство. Работа была завершена и принята в декабре, оставалось только подработать английский язык. ⁸

Как и предполагал М. И. Ростовцев, в октябре Г. В. Вернадскому предложили читать курс во втором семестре по русской истории VIII–XIX вв., а в январе и феврале — курс по истории русского искусства. ⁹ Последняя тема была далека от его непосредственных научных изысканий и требовала углубленной подготовки. На курс к историку в январе записалось не более четырех студентов, но этого уже было достаточно, чтобы чтение лекций состоялось, он также получил научное руководство и давал консультации по истории России и Восточной

Европы в XIX–XX вв.¹⁰ Для профессора, привыкшего к многолюдным аудиториям, такая ситуация казалась курьезной, но преодоление неуверенности в английском языке более безболезненно проходило бы именно при такой «камерной» обстановке.

В феврале стало известно, что курс снова отменяется, но историку дали твердое обещание, что его лекции уже включены в план следующего учебного года, и кроме того, ему повысят годовое жалование с 1 до 2 тыс. долларов. При условии, что скоро будут изданы его лекции, такое положение дел можно было рассматривать как вполне удачное, его статус в Йельском университете понемногу укреплялся. Кроме официальной нагрузки (научное руководство и консультации), Г. В. Вернадский приступил, по личной просьбе своего нового коллеги профессора Беренджера, к занятиям по истории Византии, что, в свою очередь, также занимало много времени на подготовку — историк признавал, что его «ученик» намного лучше владеет греческим языком.¹¹ Вскоре уроки станут постоянными и будут приносить взаимное удовлетворение, помогая ученым в разборе древних рукописей. В последующие годы Г. В. Вернадский в письмах к отцу делился «техническими успехами» XX в., облегчающими труд ученого: вместе с Беренджером он заказывал фотографии рукописей в Афинах и Риме, что позволяло прикасаться к древней истории, не покидая американского континента.

В конце года в Вашингтоне он встретился с давним знакомым — профессором Ф. Гольдером,¹² познакомился со многими американскими учеными, но, по собственному замечанию историка, «особенно тесных отношений как будто ни с кем у меня не завязалось».¹³ Процесс адаптации к новой для него научной среде окажется очень долгим и продлится не один год — даже спустя десятилетие историк признается, что ему «очень все же трудно приспособиться к психологии американцев».¹⁴ «Я люблю нашу Америку и чувствую себя там дома, но по части научного общения там хуже, как-то там каждый работает обособленно», — скажет Вернадский.¹⁵

Переезд в Америку несколько замедлил научные изыскания историка, он был вынужден уделять больше внимания английскому языку и «современной истории» (*current history*) — периоду, далекому от его многолетних интересов. На том этапе развития американской историографии преобладало два направления — изучение биографий исторических деятелей¹⁶ и событий современной истории. Первым направлением Г. В. Вернадский мало интересовался, хотя порывы к этому жанру и прослеживаются, а второе было не интересно и даже в какой-то степени противоречило научным принципам, привитым историку его учителями.

Оказавшись в научной среде, где изучению современности отдавали приоритетное положение, историк на первых порах был сам невольно вовлечен в круг новых для него проблем, но вскоре, со свойственной ему способностью увле-

каться разными историческими эпохами и вопросами, нашел для себя много интересного. Если в феврале 1928 г. он жаловался в письме к отцу, что спешит закончить работу над переводом своей книги, так как «к древней Руси прямо тянулся душой», предпочитая темы более отдаленные «от нашего времени»,¹⁷ то уже в апреле с воодушевлением заявлял, что в связи с *current history* «очень интересуют теперь восточные отношения России до наших дней, в частности, и русская торговля с Востоком». ¹⁸ Г. В. Вернадскому было очень приятно, что в далекой от него советской России есть историки, которые также интересуются этой проблематикой, и он приветствовал издание «Россия в Маньчжурии» Б. А. Романова (прочел ее в 1929 г.) и с интересом изучил эту книгу, богатую новыми, а главное, недостижимыми для него источниками.

Процесс преподавания не налачился и в 1928 г.: разрываясь все лето между писанием лекций и своими научными проектами, историк в октябре снова оказался без слушателей, однако появление свободного времени только обрадовало ученого. Он по-прежнему продолжал занятия-беседы с одним-двумя студентами, и эти необременительные обязанности позволяли ему продолжить ряд научных вопросов, которыми он занимался и ранее. В частности, он решил возобновить изучение племен Евразии с этнологической точки зрения. Это исследование не только соответствовало его научным интересам, но и давало возможность дополнительного заработка. Еще в 1927 г. он написал заметки по истории башкир и бурят, а в этом году ему предложили снова обратиться к этой теме, рассмотрев ее уже с этнологической точки зрения (небольшие статьи по 500 слов для раздела «Etnologia»). Для этого же издания он пишет статьи по истории Крыма и Кавказа, которые также соприкасаются с намеченной им темой истории Евразии VII в., для университетского сборника работает над статьей о Л. Н. Толстом и Востоке.¹⁹

В начале 1929 г. он получает официальное приглашение в Йель на три года с жалованием в две тысячи долларов в год, которого «по здешней дороговизне еле-еле» хватало.²⁰ В первом семестре 1929/1930 учебного года на его курс *Recent Russian History* ходило четыре студента: «По моей американской практике у меня теперь уже большая аудитория»,²¹ — иронизировал над собой историк. Поговаривали о том, чтобы во втором семестре поручить ему совершенно новый для Йеля курс истории Восточной Европы, а в 1930/1931 гг. — дать *Modern Russian History* (он читал лекции с середины XIX в. по Первую Мировую войну).

Он начинает осваивать премудрости автовождения, старается сблизиться со своими коллегами, принимает приглашения на частные вечеринки. Однако при первых же слухах об открывшейся в Скопле (Сербия) кафедре по истории Византии Г. В. Вернадский советуется с М. И. Ростовцевым о возможности получить это место, которое привлекало его своей близостью к центру культурной европейской жизни. Но главное — переезд был выгоден для работы по еще

одной привлекавшей его теме, так как в соседних странах хранилось много источников по истории древней Руси и монголов. К сожалению, эта вакансия ему так и не досталась.

За три года в Америке Г. В. Вернадский пришел к грустному для него выводу, что только изучением *current history* можно добиться хорошего положения, а для продления приглашения нужно написать хотя бы еще одну книгу по периоду новой истории. «...то мне совсем не улыбается», — признавался он в письме к родителям.²² Для поддержания должного образа жизни ему приходится постоянно подрабатывать — корректуры, рецензии в журналы на исторические монографии (например, для *Journal of Modern History*).

Вместе с тем в научных планах с уже привычной темой Византии²³ появляются новые идеи, которые довольно быстро, что вообще свойственно его творческому процессу, начинают обретать определенные очертания.²⁴ Его снова увлекает история Евразии, хотя исследователь сам понимал, что в этом случае перед ним встают две проблемы — наличие свободного времени и задача «пристроить» книгу.²⁵ Вторым начинанием стало исследование о монгольском иге на Руси в XIII–XV вв. Новое исследование требовало значительного количества источников, и историк все чаще обращается к родителям с просьбой прислать те или иные издания по данной теме. Его интересовали как недавно вышедшие работы, так и творчество его более старших коллег. Именно благодаря почти еженедельной переписке с родителями Г. В. Вернадскому удавалось оставаться в курсе научной жизни России. Узнав о неопубликованной рукописи А. С. Лаппо-Данилевского, он просит отца выслать ее в Америку, где ему, возможно, удастся найти издателя и выпустить ее на английском языке.²⁶ Через несколько лет — в 1933 г. — он загорится подобной идеей и в отношении рукописи В. Я. Владимирцова об общественном строе монголов.²⁷ Однако все это оставалось только альтруистическими планами. Из России часто приходили посылки с книгами и журналами, но историку все время недоставало архивных материалов и летописных сводов, на сведениях которых он во многом выстраивал свою историю Руси и монголов.

Приятным завершением этого трудного и насыщенного года стали известия об избрании его членом-корреспондентом Славянского института в Праге (в сентябре)²⁸ и приглашение от Г. Фишера, секретаря Ф. Гольдера, поработать летом в Стэндфордском университете, разбирая материалы архива.²⁹ Эта работа была не только интересна с научной точки зрения, но и давала возможность хорошо заработать — в течение летнего сезона ему ежемесячно полагалось 300 долларов, что являлось хорошим подспорьем для обустройства жизни. К тому же Г. В. Вернадскому отказали в более оплачиваемой работе специалиста-исследователя по истории (*specialist in historical research*) в Вашингтоне, мотивируя это отсутствием американского гражданства.³⁰

В 1930 г. Г. В. Вернадский продолжает преподавание, но теперь мечтает сосредоточиться на занятиях по средневековой, а не по новой истории. Для пополнения семейного бюджета он активно включился в работу (*secretarial work*) над корректурами на немецком и английском языках по древней истории и археологии. В редкие свободные часы между подготовкой к лекциям и приработками он продолжает собирать материал по истории монголов и древней Руси. Лето чета Вернадских провела в Стэнфорде, где историк в качестве временного консультанта (или, как он называл себя по-английски, — *research assistant*³¹) подключился к разбору документов, часть из которых предполагалось издать: «Работа очень интересная с точки зрения *current history* — раз уж мне все равно ей приходится заниматься». ³² Занятия отнимали немного времени и сил, наконец-то появилось время для собственных научных занятий. Подружившись с супругами Фишерами, Вернадские вошли в круг стэнфордской профессуры, вели светский образ жизни, путешествовали по окрестностям. Г. В. Вернадского пригласили выступить с докладом в середине августа на съезде Института Международных отношений (Беркли, Калифорнийский университет), посвященного экономическим проблемам Тихоокеанских стран. Историк с энтузиазмом взялся за работу и подготовил выступление по теме: «Русские интересы в Монголии и Манчжурии». ³³

Новый учебный год в университете снова был омрачен проблемами с набором студентов, один курс даже хотели снять (оставить его неофициально для двух желающих), но к середине октября ситуация изменилась — к двум старым студентам прибавилось еще двое и оба курса состоялись. Г. В. Вернадский с удовлетворением стал замечать, что со студентами, уже не первый год слушающими его курс, начинают завязываться «прочные академические отношения», те, к которым он привык в Московском университете. Хотя во время лекций он еще продолжает с горечью замечать, что студенты иногда подмигивают друг другу, когда он делает ошибки в английских словах. ³⁴ Трудности с английским, однако, не помешали ему зимой начать изучать испанский язык, который понадобился для исследований по испанской колонизации ³⁵ — новому внезапному интересу историка.

В 1931 г. Г. В. Вернадского избрали в члены *Connecticut Academy of Arts and Sciences*, однако в связи с занятостью он впервые посетит заседания только в декабре следующего года. ³⁶ Научное содружество Америки начинает проявлять к нему все больше внимания. Он становится членом и *The Mediaeval Academy of America*, которая пригласила его выступить в конце апреля на своем съезде. ³⁷ Зимой он возьмется за написание статьи по средневековой Руси — о московской политике конца XV в. В университете окончательно утвердили его курс, что еще более упрочило положение историка. В мае к своему великому удивлению Г. В. Вернадский получил письмо из Гарвардского университета с предло-

жением прочесть курс общей русской истории (два часа в неделю). Он немедленно соглашается, так как «это очень почетное приглашение». На курс записалось 23 человека,³⁸ что значительно превосходило его йельскую аудиторию. Летом его снова ждали в Стэнфорде, но теперь не только для работы в Гуверской библиотеке, но и для чтения краткого курса по русской истории.³⁹ Несмотря на свое желание лучше подготовиться к лекциям, Г. В. Вернадский дает свое согласие — главным побуждающим фактором стала престижность приглашения. В связи с увеличением количества лекций ему приходится отложить в сторону свое исследование по Византии и Средневековью.

Жизнь постепенно налаживается. Н. В. Вернадская также нашла нишу для своей деятельности и вполне смогла реализовать свой музыкальный талант. У нее появилось много знакомых, она стала членом музыкального клуба в Нью-Хавене, начала выступать с концертами в салонах и клубе, изучать историю музыки. В июне 1931 г. ее избрали представительницей от Нью-Хавена на Американский музыкальный съезд. В последующие годы ее музыкальная карьера, по меркам наибольшего города, будет весьма удачной — в 1934 г. на платные концерты Н. В. Вернадской собиралось уже более 130 слушателей.⁴⁰

В 1932 г. Г. В. Вернадский сотрудничает в качестве рецензента с журналом «Social Science Abstracts» и с другими более мелкими изданиями. Но это отнимало время от непосредственных научных занятий, и историк, несмотря на пользу частых публикаций (они создавали определенный научный имидж), решил отказаться от рецензирования для мелких журналов, которые к тому же плохо оплачивали этот вид деятельности. Он вновь увлекается историей средневековой России и, в частности, событиями XV в.⁴¹ Продолжает читать лекции в Йеле и Гарварде, хотя по сравнению с прошлым годом получил меньше удовольствия от преподавания. Кто виноват: он сам или студенты — историк для себя так и не смог определить.

В конце года администрация сообщила, что в связи с уменьшением бюджета произойдет и сокращение штатов, то есть через два года Г. В. Вернадскому не возобновят приглашение, и он будет вынужден снова искать новое место работы⁴². В этой нервной ситуации историка успокаивала только философская мысль об изменчивости мира и вера в то, что за эти годы еще многое может измениться, — его надежды оправдались.

В 1933 г. занятия в Гарвардском университете прекратились и Г. В. Вернадский вздохнул с некоторым облегчением — появилось больше времени для научной деятельности. На курс в Йеле к нему в январе записалось уже пятнадцать человек, и некоторым запоздавшим желающим он был вынужден даже отказать.⁴³ Это событие можно было рассматривать как преодоление планки популярности, его имя становится все более известным в научных кругах, к нему начинают тянуться молодые исследователи. В декабре ученый выступил с докла-

дом в American Historical Association о петровской промышленности, который в следующем году подготовил к публикации.⁴⁴ В этом же году, 31 марта, супруги Вернадские наконец-то получили американское гражданство.

В 1934 г. расширяется география его преподавания — историка приглашают прочесть лекции в *Mount Holyoke College* — один из лучших женских университетов в штате Массачусетс. В Йеле его лекции приобретают все большую популярность: если в 1933 г. к нему записалось уже 16 студентов, вместо обычных 2–4, то в 1934 г. — уже 21 (а первоначальное количество желающих насчитывало более 30), однако историк был вынужден вновь отказать части претендентов.⁴⁵ В следующем году ему обещали прибавить жалование. «Мною дорожат, — писал он родителям 3 июня, — и, значит, положение мое здесь можно считать упрочившимся».⁴⁶ Однако в качестве дополнительного заработка он продолжает сотрудничать с «*Journal of Modern History*» и пишет иногда рецензии, в частности на «*The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmont 1803–1804*».⁴⁷

Его научные интересы сосредотачиваются на истории древней и средневековой России, и своей первоочередной задачей историк поставил изучение всех трудов по этой теме на английском, французском и немецком языках⁴⁸ (значительная часть литературы на русском языке им уже была освоена ранее). Сильной стороной научных работ исследователя (многим из которых присуща вынужденная компилятивность) всегда оставалось привлечение западной историографии, чьи достижения в изучении русской истории обычно оставались вне исследований советских авторов. Его по-прежнему влечет история Византии, и он с упоением отдается чтению хроник, забывая о своей подготовке к лекциям, часть из которых надо было модернизировать, а иные вообще впервые составлять. Г. В. Вернадский углубляется в изучение внешней политики России, т. к. в новом учебном году ему предложили прочесть курс *Russian foreign policy from the Congress of Vienna* сразу на двух отделениях — историческом и международных отношений. Желающие стали записываться уже заранее, но администрация университета, по словам историка, разрешила ему выбрать только лучших студентов в количестве 14 человек. Но так как его личные интересы распространялись больше на область средневековой истории, он все же объявил курс *Medieval Russia*, осознавая, что к средневековой истории здесь мало интереса.⁴⁹

Несмотря на значительные успехи в преподавательской деятельности, Г. В. Вернадский очень тяжело привыкает к американской системе образования. После одного разговора с деканом (в ноябре 1934 г.), когда ему предложили пересмотреть его метод преподавания с начинающими студентами (*undergraduates*) — больше письменных работ на проверку прочитанных книг — историк заметил: «это скорее наша бывшая гимназическая система, чем университетская».⁵⁰ Но выбирать не приходилось.

В 1935 г. Вернадские приобрели небольшой (в 15 акров) участок земли в 50 километрах от Нью-Хавена. Большую часть своего свободного времени они проводили здесь, где отдыхали душой на лоне природы и вспоминали близкие им российские уголки. У них появилось желание построить дом, «избушку», как называл его Г. В. Вернадский, однако это требовало много финансовых и физических затрат. Супруги с энтузиазмом отдавались возделыванию земли на участке и приведению его в порядок, к маю им удалось построить «сарай»-«избушку».⁵¹

В университете весной официально объявили о продолжении преподавания еще на три года, но без ожидаемого повышения заработной платы⁵² (правда, и данная новость рассматривалась Г. В. Вернадским как большая удача, так как еще зимой он не был в этом полностью уверен⁵³). Это известие резко изменило их летние планы. Если на жизнь профессорского жалования еще как-то хватало, то на поездку в Европу они уже не могли рассчитывать, тем более что в купленную землю приходилось вкладывать значительное количество средств.

То, что его лекции хорошо принимались студентами, иногда вызывало у него даже удивление — он сознавал, что не чувствует полной свободы в использовании английского языка, хотя на научные темы по-прежнему говорил лучше, чем на бытовые.⁵⁴ Эти трудности, как и в случае с персидским (в ноябре 1935 г. признавался отцу, что начинает уже «чувствовать» этот язык), не помешали ему, однако, заинтересоваться турецким, он даже собирался поступить летом на курсы, но передумал в связи с успешным самостоятельным изучением.⁵⁵ Летом 1936 г. для лучшего освоения языка историк намечает визит в Турцию, но, узнав, что возможная стипендия слишком мала для оплаты всех затрат, с сожалением отказался от поездки. Турецкий язык был необходим ему для изучения позднего византийского периода, а также русской истории.

В январе 1936 г. Г. В. Вернадский выступает с докладом, вызвавшим большой интерес, об уйгурских юридических документах на съезде Американского общества востоковедения.⁵⁶ Обращение к этой теме было вызвано все большим увлечением монгольской проблематикой.

Его пригласили на исторический съезд в Провидент, но из письма к родителям (3 января 1937 г.) видно, что это мероприятие не произвело на него должного впечатления. Зато он с радостью сообщает о выходе своей статьи в сборнике «Centennial Essays for Pushkin», издаваемом Гарвардским университетом, «Пушкин и декабристы». Предложение написать статью было сделано еще в апреле 1936 г.⁵⁷ Он не раз сообщает отцу о намерении переслать ее в Пушкинский Дом в Ленинграде — для него большое значение имело поддержание отношений с представителями советской науки, он не хочет быть полностью оторванным от научной жизни своей Родины. В то же время он все больше начинает вращаться в американскую профессорскую среду и в одном из июньских писем отмечает,

что «гораздо лучше стали отношения с моими коллегами по отделению, со многими подружился».⁵⁸

Большая часть времени года прошла в работе над корректурами и преподаванием. Если в конце 1936 г. он только мечтал начать «Очерк по русской культуре»,⁵⁹ то к августу следующего года, сосредоточившись на этой работе, ему удалось закончить сразу две главы.⁶⁰ Особый интерес вызывает история торговли, изучение которой, по мнению Г. В. Вернадского, позволило бы ему охватить разные стороны культуры того времени. В русле затрагиваемой им темы он пишет в мае статью о средневековой Балтийской торговле и о средневековой Руси.⁶¹

В новом, 1938 г., Г. В. Вернадскому снова возобновляют приглашение в университете, на этот раз с повышением заработной платы. Занятий становится так много, что он преподает и проводит консультации почти каждый день, это при том, что общих курсов не ведет и имеет небольшие группы.⁶² Поэтому когда он узнает, что на следующий год к нему записалось только шесть человек, то остается только рад этому обстоятельству — напряженный ритм преподавательской жизни сильно диссонирует с его потребностью в свободном времени для научных изысканий, которые в рамках истории древней Руси переместились в период гуннов и сарматов. По этой теме в апреле историк даже прочтет доклад на съезде *American Oriental Society*. Его новая трактовка вызвала оживленные споры и повышенный интерес на съезде, историк приобрел массу новых полезных знакомств.⁶³ В следующем году, после переработки, историк опубликовал свои данные в «*Journal of American Oriental Society*».⁶⁴ Не без чувства научной гордости в письме к отцу Вернадский-младший отмечает: «Мне, кажется, удастся по-новому осветить вопрос об антах (предках восточных славян)».⁶⁵ В 1939 г., когда до него дошла статья молодого советского историка-археолога Б. А. Рыбакова об антах, он с удовлетворением пишет отцу, что хотя советский коллега близок его идеям, но не видит связь между антами и асами, на которую он указывает в своей статье. Однако историк вынужден признать, что его работе не хватает археологического материала, которым так богата статья Б. А. Рыбакова.⁶⁶

В декабре 1938 г. его снова пригласили выступить на съезде — теперь уже Американской исторической ассоциации, проходившем в Чикаго. Что характерно, Г. В. Вернадский выбирает тему, далекую от его предыдущих докладов — «Церковь и государство во времени Никона».⁶⁷ Процесс подготовки настолько увлекает историка, что уже в начале января 1939 г. он пишет отцу о своей новой теме, по которой уже намеривается написать небольшую работу.⁶⁸ В феврале его интерес к этой проблематике не уменьшился, и он делит свое свободное время между изучением XVII в., древней Руси (вновь углубляется в славянские источники) и штудированием арабского языка.⁶⁹ Над исследованием о церковной

реформе историк будет работать вплоть до самой смерти, но так и не успеет его окончить, оно будет опубликовано в конце 70-х гг.⁷⁰

1939 год был также богат на посещения научных обществ и съездов. На несколько месяцев Вернадские смогли выехать в Старый Свет. Г. В. Вернадского приглашают участвовать в конце августа в Международном Историческом Съезде в Цюрихе (прибыли 27 числа), где он выступает по теме русского феодализма,⁷¹ а в начале сентября его уже ожидают в Брюсселе на Международном Съезде Ориенталистов с докладом о составе «Ясы Чингис-хана» (опубликована в «Исследованиях и материалах по истории России и Востока» (Брюссель, 1939. Т. 1)).⁷² Посещение съездов производит на него большое впечатление. Заседания прошли оживленно, на высоком научном уровне, историк знакомится не только с новыми коллегами, но, что было для него более важно, общается со своими давними знакомыми. После подобных встреч он снова остро почувствовал дистанцию между европейской и американской научной жизнью,⁷³ к специфике последней он до сих пор так и не смог окончательно привыкнуть. Более быстрой адаптации к американскому образу жизни после посещения Европы помогла нагрузка в университете, необходимость закончить ряд мелких статей и заметок. Кроме того он продолжает переводить с персидского на английский язык главу Джувейни о «Ясе» и работает над первым томом «Истории России».⁷⁴ Изучение персидского подлинника завершится еще одной работой о Чингисхане, опубликованной в 1940 г. (Juwani's Version of Chingis Khan's Yasa // Seminarium Kondakovianum. Т. XI).

Работа над историей Руси проходила медленно, Г. В. Вернадский пересматривает заново концепции своих предшественников, ищет новые, в основном евразийские, аспекты в освещении, казалось бы, давно известных событий. После работы над антами, начатой годом ранее, он с не меньшим интересом приступает к изучению угров, стремясь также дать новую интерпретацию их истории, и в апреле 1939 г. подготавливает по этой теме статью для журнала «Byzantion».⁷⁵

Его продолжают приглашать на научные съезды и для чтения лекций, например в ноябре 1939 г. последовало «почетное» предложение выступить с лекциями по феодализму в *Cornell University*.⁷⁶ Улучшение материального положения позволяет Вернадским начать хозяйственные работы — закладку фундамента дома, хотя денег на крупное строительство так и не хватает.⁷⁷

В 1940 г. историк продолжал преподавательскую деятельность и работу над «Историей России». После 13 лет неопределенного положения Йельский университет наконец-то воздает должное его заслугам и принимает его в число своих профессоров без указания срока службы.⁷⁸ Для уже немолодого ученого, автора нескольких монографий, это было приятным, но очень запоздалым решением.

В январе — что стало для него, по всей видимости, полной неожиданностью — его приглашают занять кресло председателя на Историческом Съезде в

Нью-Йорке. Хотя это приглашение последовало после болезни заранее назначенного председателя, сам факт избрания именно его кандидатуры говорит о высоком авторитете, который Г. В. Вернадскому удается завоевать в среде американских ученых. На съезде историк прочитал доклад на несколько необычную для него тему: об обращении хазар в иудейство. Его основной научный интерес по-прежнему сосредотачивался на древней истории Руси, к которой теперь добавилось увлечение личностью Богдана Хмельницкого.

Однако эту с виду благополучную американскую жизнь омрачило начало Великой Отечественной войны. Чета Вернадских включается в программу помощи советскому народу, развернутую по всей Америке. Они становятся активистами Нью-Хавенского «Russian War Relief», собирают деньги на медицинские принадлежности, Нина Владимировна вяжет теплые вещи.⁷⁹ От грустных мыслей о родителях отвлекают только научные занятия, Г. В. Вернадский наконец-то заканчивает рукопись по истории Древней Руси, в которой намеривается «совершенно по-новому осветить древнейший период».⁸⁰

Считается, что судьбы ученых-эмигрантов сложились более удачно, чем судьбы ученых, оставшихся или не имевших возможности вовремя выехать из России после октября 1917 г. Однако это достаточно спорное мнение, так как и в том и в другом случае происходила ломка жизненных устоев, пересмотр (добровольный или вынужденный) научных концепций и политических взглядов, всем приходилось возобновлять свою научную карьеру в чужой (для одних — политически, для других — территориально) среде, практически с той же планки, что была взята порой уже несколькими десятилетиями назад, и многое другое. Этот процесс не мог быть безболезненным, для многих он стал испытанием на прочность и не все, к сожалению, смогли его пройти до конца. Г. В. Вернадскому это удалось.

---

¹ Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 518. — Об «американском» периоде жизни Г. В. Вернадского см. также основанную на архивных материалах Бахметевского архива содержательную статью В. Н. Козлякова (*Козляков В. Н. «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...» // Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998*).

² *Козляков В. Н. «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...»* С. 10. — По другим данным, причиной возвращения стала морская болезнь.

³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 309. Л. 56.

⁴ Там же. Д. 310. Л. 1, 8.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 42.

⁷ Там же. Л. 68.

⁸ Там же. Л. 52, 57, 72 об.

⁹ Там же. Л. 59.

¹⁰ Там же. Д. 311. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 4 об.

¹² С ним он был заочно знаком еще с середины 1917 г., когда Ф. Гольдер и М. М. Карпович вместе путешествовали по Сибири (ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 154). А еще ранее, в 1914 г. Г. В. Вернадский написал рецензию на одну из работ американского ученого, в которой раскритиковал его источниковую базу, так как, несмотря на значительное количество используемой зарубежной историографии, автор совершенно игнорировал материалы петроградских архивов, что и привело к ряду фактических ошибок, которых можно было бы избежать при сравнительном подходе к источникам. Молодой историк намеревался переслать свою рецензию Ф. Гольдеру и даже напечатал ее на английском языке: ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 69. — Было ли осуществлено это намерение, неизвестно.

¹³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 318. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Д. 321. Л. 36 об.

¹⁶ Примечательно, что В. И. Вернадский тоже рекомендовал сыну в 1929 г. заняться эпохой Александра II, написать биографию какого-нибудь деятеля. Однако удаленность от главных архивохранилищ по этой теме не позволила историку прислушаться к совету отца (Там же. Д. 312. Л. 11). Г. В. Вернадский и сам был не прочь написать биографию двух своих дедов или исследовать деятельность Н. Х. Бунге, но отрыв от архивов не позволил ему приступить и к этим исследованиям (Там же. Л. 11 об.).

¹⁷ Там же. Д. 311. Л. 9 об., 11.

¹⁸ Там же. Л. 12 об.

¹⁹ Там же. Л. 30, 20, 17 об.

²⁰ Там же. Д. 312. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 30.

²² Там же. Л. 22 об.

²³ Его изыскания предыдущих лет нашли свое отражение в статье «Relations byzantino-russes au XII siècle» (Byzantion. 1929. Т. IV).

²⁴ К весне историк старался придерживаться следующего распорядка дня — с утра занятие по истории Византии, вечера и каждый четверг отводились «под монголов». Правда, он не всегда мог безукоризненно следовать своему плану (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 312. Л. 13, 15).

²⁵ Там же. Л. 3 об.

²⁶ Там же. Д. 311. Л. 28.

²⁷ Там же. Д. 316. Л. 17.

²⁸ Там же. Д. 312. Л. 26 об.

²⁹ Там же. Л. 41; Д. 313. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 1 об., 3.

³¹ Там же. Д. 323. Л. 7.

- ³² Там же. Д. 313. Л. 29–30.
³³ Там же. Л. 37.
³⁴ Там же. Л. 51–51 об., 52.
³⁵ Там же. Л. 58 об.
³⁶ Там же. Д. 315. Л. 22.
³⁷ Там же. Д. 314. Л. 16.
³⁸ Там же. Л. 19, 43.
³⁹ Там же. Л. 13 об.
⁴⁰ Там же. Д. 317. Л. 44.
⁴¹ Там же. Д. 315. Л. 1–1об.
⁴² Там же. Л. 22.
⁴³ Там же. Д. 316. Л. 6.
⁴⁴ Там же. Д. 317. Л. 5.
⁴⁵ Там же. Л. 8–8 об.
⁴⁶ Там же. Л. 16 об.
⁴⁷ Там же. Л. 40.
⁴⁸ Там же. Л. 16.
⁴⁹ Там же. Л. 18 об.
⁵⁰ Там же. Л. 39 об.
⁵¹ Там же. Д. 318. Л. 7, 21.
⁵² Там же. Л. 18 об.
⁵³ Там же. Л. 5.
⁵⁴ Там же. Л. 3.
⁵⁵ Там же. Л. 33, 16.
⁵⁶ Там же. Д. 319. Л. 4 об.
⁵⁷ Там же. Л. 16.
⁵⁸ Там же. Д. 320. Л. 24 об.
⁵⁹ Там же. Д. 319. Л. 37.
⁶⁰ Там же. Л. 33.
⁶¹ Там же. Д. 320. Л. 18 об.–19.
⁶² Там же. Д. 321. Л. 20, 16 об.
⁶³ Там же. Л. 5 об., 17.
⁶⁴ Там же. Д. 322. Л. 10.
⁶⁵ Там же. Д. 321. Л. 5 об.
⁶⁶ Там же. Д. 322. Л. 28.
⁶⁷ Там же. Д. 321. Л. 46.
⁶⁸ Там же. Д. 322. Л. 2.
⁶⁹ Там же. Л. 6–7 об.

⁷⁰ Дуровцев В. И., Сотничева Н. Е. Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) // Портреты историков. М.; Иерусалим, 2000.

⁷¹ Тезисы доклада см.: Feudalism in Russia // VIIIe Congrès International des Sciences Historiques: Communications présentées. Paris, 1938. Т. 2; дополненная статья: Feudalism in Russia // Speculum. 1939. Vol. 59.

⁷² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 321. Л. 20, 34, 23.

- ⁷³ Там же. Л. 36.
⁷⁴ Там же. Л. 43.
⁷⁵ Там же. Д. 322. Л. 16 об.
⁷⁶ Там же. Л. 39.
⁷⁷ Там же. Л. 34.
⁷⁸ Там же. Д. 323. Л. 7.
⁷⁹ Там же. Л. 14.
⁸⁰ Там же. Л. 16 об.